

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3-104-138

Научная статья / Research paper

О.С. Гайдаев*

К НОВОЙ ЭТИКЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: О СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИССИИ И НОРМАТИВНЫХ ПОДХОДАХ В ТЕОРИИ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ**

*Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС
199178, Санкт-Петербург, Средний проспект В.О., 57/43*

Завершение холодной войны породило у значительной части западных политических и академических элит уверенность, что начало XXI в. будет сопровождаться радикальной трансформацией всей структуры мировой политики, включая и всю проблематику международной безопасности. Во многом отражением и выражением этих ожиданий стала так называемая теория секьюритизации, превратившаяся в одно из самых динамичных направлений в развитии теоретических исследований в данной области. Однако этим ожиданиям не суждено было оправдаться: число международных конфликтов продолжало только расти, что в свою очередь не могло не поставить под вопрос и базовые установки теории секьюритизации. Цель данной статьи заключается в выявлении и критическом осмыслении политической этики, лежащей в основе теории секьюритизации, а также предлагаемых ее сторонниками нормативных подходов к решению современных проблем безопасности. В работе показано, что существующие нормативные подходы в теории секьюритизации могут быть подразделены на три направления исследований: деонтологическое, универсалистское и прагматическое, каждое из которых обладает рядом особенностей. В рамках деонтологического подхода, разрабатываемого в трудах основоположников теории секьюритизации и их последователей, десекуритизация рассматривается в качестве предпочтительной нрав-

* Гайдаев Олег Сергеевич — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры международных отношений, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: gaydaev-os@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-5970-3726).

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00379, <https://rscf.ru/project/25-18-00379/>. Автор выражает благодарность М.М. Шумилову, а также анонимным рецензентам за ценные советы и замечания.

ственно-политической стратегии. Универсалистский подход направлен на создание универсальных и общепринятых критериев нормативной оценки практик безопасности. Сторонники прагматического подхода отдают предпочтение получению практического знания о ценности и этике безопасности в ее локальных проявлениях и контекстах. Автор приходит к выводу, что становление указанных подходов происходило в тесной зависимости от окружающего историко-политического контекста. При этом все подходы обладают рядом серьезных недостатков, таких как односторонность в интерпретации секьюритизации, западнцентричность или, напротив, отсутствие четких этических ориентиров. Подчеркивается, что, хотя исследования в этой области всё еще обладают потенциалом, сам концепт безопасности неизбежно ограничивает создание устойчивой позитивной повестки в международных отношениях. В этой связи представляется столь же полезным обратиться к другим концептам, способствующим формированию более гармоничного многополярного мира.

Ключевые слова: теория секьюритизации, десекуритизация, международная безопасность, национальная безопасность, политическая этика, нормативная теория, справедливая секьюритизация, исследования безопасности, постмодернизм, конструктивизм

Для цитирования: Гайдаров О.С. К новой этике международной безопасности: о социально-политической миссии и нормативных подходах в теории секьюритизации // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 3. С. 104–138. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3-104-138.

Oleg S. Gaidarov

TOWARDS A NEW ETHICS OF INTERNATIONAL SECURITY: ON SOCIO-POLITICAL MISSION AND NORMATIVE APPROACHES IN SECURITIZATION THEORY

*North-West Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
57–43 Vasilyevsky Island, Sredny Avenue, St. Petersburg, Russia, 199178*

The end of the Cold War instilled confidence in a significant part of Western political and academic elites that the beginning of the 21st century would be marked by a radical transformation of the entire structure of world politics, including the entire international security agenda. These expectations were largely

embodied in the theory of securitization, which became one of the most dynamic research areas in the theory of international security. However, these expectations were not to be fulfilled: the number of international conflicts continued to grow, which, in turn, could not but call into question the basic tenets of securitization theory. This article focuses on the political ethics underlying securitization theory and the normative approaches to solving modern security problems advanced by its proponents. The author argues that the existing normative approaches in securitization theory can be divided into three research strands: deontological, universalist, and pragmatic, each with a number of distinctive features. Within the framework of deontological approach, developed in the works of the founders of securitization theory and their followers, desecuritization is considered the preferred moral-political strategy. The universalist approach seeks to create universal and generally accepted criteria for the normative evaluation of security practices. Finally, the pragmatic approach prioritizes practical knowledge about security's value and ethics in its local manifestations and contexts. The author concludes that the formation of these approaches was intrinsically linked to the surrounding historical-political context. At the same time, all these approaches provide only a one-sided interpretation of securitization, marked by Western-centrism, or, conversely, lack clear ethical guidelines. The author argues that although international security studies still hold potential, the very concept of security is limiting the possibilities for a development of a sustainable positive agenda in international relations. In this regard, turning to other concepts that could contribute to the formation of a more harmonious multipolar world seems useful.

Keywords: securitization theory, desecuritization, international security, national security, political ethics, normative theory, just securitization, security studies, postmodernism, constructivism

About the author: Oleg S. Gaidaev — PhD (Politics), Senior Lecturer at the Department of International Relations, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (e-mail: gaydaev-os@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-5970-3726).

Acknowledgements: The research has been accomplished with a financial support from the Russian Science Foundation, project No 25-18-00379, <https://rscf.ru/project/25-18-00379/>. The author is grateful to M.M. Shumilov, as well as to the anonymous reviewers for valuable advice and comments.

For citation: Gaidaev O.S. 2025. Towards a new ethics of international security: On socio-political mission and normative approaches in securitization theory. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 3, pp. 104–138. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3-104-138. (In Russ.)

Появление в конце XX в. теории секьюритизации без преувеличения можно назвать одной из самых значительных вех в истории исследований о международной безопасности. В основе этой теории лежит конструктивистский тезис о том, что безопасность — это не объективное свойство, не состояние, а инструмент или технология, используемая в политической практике для расстановки социально значимых приоритетов. Как отмечает в своих работах автор этой теории Оле Вæвер, секьюритизация означает, что, «называя определенное развитие событий проблемой безопасности, “государство” оставляет за собой особое право, содержание которого в конечном счете всегда определяется государством и его элитами» [Wæver, 1995: 44]. Проблемы безопасности при этом могут быть реальными, однако это оказывается неважным, коль скоро они не находят отражения в языковой игре элит и политической практике. Именно эта дискурсивная реальность имеет значение и определяет политику государств, принимающих решительные и чрезвычайные меры для борьбы с обозначаемыми угрозами.

Многие эксперты сочли этот подход перспективным, поскольку вместо навязывания определенного видения безопасности О. Вæвер, по сути, дал исследователям «гигантскую песочницу» с расширенным толкованием безопасности, открытым для переосмысления и творческих изменений. Так же, как политические акторы могут называть проблемами безопасности самые разные вопросы, так и ученые могут теперь углубляться в изучение практик безопасности в различных секторах (военном, политическом, экономическом, информационном, экологическом и т.п.) и на различных уровнях анализа (национальном, глобальном, личностном). Задача эксперта в таком случае состоит в том, чтобы получать четкое представление о процессе: кто секьюритизирует, против чего секьюритизирует, для защиты кого (чего), с какими целями, с какими результатами и при каких обстоятельствах (т.е. при каких условиях секьюритизация оказывается успешной или нет) [Buzan et al., 1998: 32].

При этом нельзя не заметить, что за последние 20 лет ситуация в области международной безопасности значительно ухудшилась. Об этом, в частности, свидетельствует статистика международных конфликтов, количество которых достигает рекордных значений за всю историю наблюдений [Palik et al., 2022].

По иронии судьбы тенденция к расширенному толкованию безопасности, принятая в том числе и в рамках теории секьюритизации,

имела спорные последствия, распространив логику и практики безопасности на многие сферы жизни общества. Это не только не помогло решить злободневные проблемы, но и начало создавать трудности. Ярким примером служит концепция гибридных войн, в которой расширенное толкование угроз привело к стиранию грани между состоянием мира и войны [Конышев, Парфенов, 2019: 60]. Как отмечали специалисты еще в начале XXI в., перед исследователями встает неразрешимая нормативная дилемма: любой дискурс о безопасности всегда рискует обернуться секьюритизацией еще большего числа проблем [Huysmans, 2002]. Это происходит в том числе потому, что секьюритизация на практике всё чаще используется как политическая технология манипуляции и управления общественными страхами¹.

В связи с этим большую актуальность приобретают вопросы о нормативном содержании теории секьюритизации, ведь задачей любой социальной теории является приближение общества к лучшей, а не худшей версии самого себя. Есть ли, таким образом, у теории секьюритизации собственная социально-политическая миссия? Как исследователям в этой области видится решение проблем безопасности и преодоления нарастающей конфликтности в международных отношениях? Ответам на эти вопросы и посвящена данная обзорная статья.

Настоящая работа завершает цикл авторских исследований о феномене секьюритизации: от самых ранних вех в развитии теории до современных концепций [Гайдаев, 2021, 2022]. Цель статьи заключается в выявлении и критическом осмыслении политической этики, лежащей в основе теории секьюритизации, а также в предлагаемых сторонниками данной теории нормативных подходах к решению современных проблем безопасности. Для достижения этой цели автор обращается преимущественно к историографическому анализу, сочетая его с элементами «посткунианской» социологии науки Б. Бузана и Л. Хансен [Buzan, Hansen, 2009]. Избранная автором методология направлена, с одной стороны, на анализ внутренней логики развития научных дебатов об этике в теории секьюритизации и, с другой стороны, на выявление внешних историко-политических

¹ Показательным примером такого использования является тиражирование в ряде западных стран тезиса о «российской угрозе», часто служащего для отвлечения внимания общественности от внутренних социально-политических и экономических проблем.

факторов их формирования. Синтез этих двух аспектов позволит достичь более целостного представления об этических основах современной теории секьюритизации.

Представляется, что все разработанные в ее рамках нормативные концепции можно условно разделить на три подхода: деонтологический, универсалистский и прагматический. В этой связи статья разделена на четыре части: первые три раздела последовательно раскрывают суть и содержание этих нормативных подходов, в то время как четвертая часть посвящена их методологической и политической критике. В заключении излагается авторское видение некоторых актуальных нормативных вопросов, касающихся теории секьюритизации и современной этики международной безопасности.

Деонтологический подход: меньше безопасности, больше политики

Любая социальная теория всегда создается для кого-то и с какой-то целью [Сох, 1981: 128]; любая постмодернистская критика не обходится без определенных нормативно-политических последствий. Также и за строгим аналитическим фасадом теории секьюритизации, подвергающей критике традиционные представления о безопасности, можно увидеть собственную программу политической этики.

Эта этика строится на либеральной политической онтологии, трактующей безопасность как негативное явление и определяющей социально-политическую миссию теории секьюритизации в сдерживании и уменьшении негативных эффектов практик безопасности. Такой подход можно назвать деонтологическим в том смысле, что он дает негативную этическую оценку секьюритизации, предписывая в большинстве случаев ее полный антипод — десекуритизацию как отказ от политики чрезвычайных мер и возвращение к политическому диалогу в духе философии Х. Арендт или в формате «идеальной речевой ситуации» Ю. Хабермаса.

Об этом можно судить из высказывания самих авторов, делающих этический выбор в пользу десекуритизации: «По сути, безопасность следует рассматривать как негативное значение, как неспособность решать проблемы в рамках повседневной политики. В идеале политические процессы должны протекать в соответствии с обычными процедурами без этого вознесения определенных “угроз” в сферу надполитической безотлагательности. В некоторых

случаях секьюритизация вопросов неизбежна. <...> Но десекуритизация является оптимальным вариантом на долгосрочную перспективу, так как это означает не преподносить проблемы как “угрозы, против которых у нас есть контрмеры”, а выводить их из этой логики “угроза–защита” в сферу повседневной политики» [Buzan et al., 1998: 29].

Более того, как утверждает О. Вэвер, секьюритизация способна сделать практиков и ученых заложниками ситуации, запирая их воображение в логику безопасности и конфронтации даже тогда, когда можно рассуждать о проблеме с другой точки зрения, т.е. обращаясь к десекуритизации [Wæver, 1995].

Логика авторов понятна, если учесть исторический контекст эпохи конца 1980-х годов. Именно в тот период особенно остро стоял вопрос о взаимоотношениях стран Запада с государствами социалистического лагеря. Быстрое окончание холодной войны с последующим пересмотром конфликтных отношений России с Западом могло вселить в исследователей определенный оптимизм насчет потенциала десекуритизации.

Лейтмотивом изысканий Копенгагенской школы в то время стала проблема секьюритизации идентичности. Стремительность и драматичность политических процессов, развернувшихся в Европе и на постсоветском пространстве после 1991 г., привели к обострению национальных конфликтов и росту националистических настроений. Именно эти тенденции побудили исследователей к написанию ряда работ, посвященных социетальной безопасности² и кризису европейской идентичности [Buzan et al., 1990; Wæver et al., 1993].

Несколько позднее, рассуждая о будущем европейской интеграции, О. Вэвер начал говорить о своего рода профилактике секьюритизации, или превентивной десекуритизации (*pre-emptive desecuritization*). Исследователь предвидел дальнейший рост националистических настроений в европейских странах и выступал против усиления роли НАТО в системе европейской безопасности: «Всё это, разумеется, является предостережением против попыток построить европейскую безопасность в ущерб европейской интеграции, т.е. сосредоточившись на НАТО. Такие попытки не только натолкнутся на сильную оппозицию, <...> но и рискуют подорвать

² В терминологии Копенгагенской школы социетальная безопасность определяется как защита обществом своей идентичности от воспринимаемых угроз.

основы идентичности существующей институционализации и вызывать националистическую и одностороннюю переориентацию во Франции и соответственно в Германии» [Wæver, 2000: 281]. Секьюритизация идентичности, как заключал позднее О. Вэвер, крайне опасна, поскольку ведет (при отсутствии должных мер профилактики) к реализации саморазрушительных политических проектов [Wæver, 2008: 593].

Таким образом, в случае с превентивной десекуритизацией аналитик должен предсказать, где возможна секьюритизация, оценить ее риски и предложить меры для ее предотвращения. Если же процесс уже начался, важно найти решения, которые остановят эскалацию конфликта.

Говоря о таких ситуациях, эксперты чаще всего подразумевают межнациональные и межэтнические конфликты. Например, Пол Роу посвятил свои работы анализу венгеро-румынского конфликта, указав на его историческую подоплеку и трудноразрешимость. Эксперт ввел в научный оборот термин «социетальная дилемма безопасности» (*societal security dilemma*), понимая под ним такое осложнение конфликтной ситуации, в которой любые действия, предпринимаемые той или иной стороной конфликта, воспринимаются как угроза ценностям и идентичности для другой стороны [Roe, 2002].

Разумеется, призывать в такой ситуации к десекуритизации было бы весьма наивно, поэтому П. Роу предложил стратегию управления секьюритизацией (*management of securitized issues*). Она подразумевает управление процессами секьюритизации таким образом, чтобы обеспечить предсказуемость ситуации посредством институционализации политического диалога, не отказываясь при этом от риторики безопасности [Roe, 2004]. Тогда на основе управления секьюритизацией допускается и постепенная десекуритизация вопроса через планомерную реконструкцию идентичностей сторон конфликта [Roe, 2006: 433].

Следует отметить, что конфликты идентичностей стали не единственной проблемой, побудившей специалистов пересматривать роль и содержание стратегии десекуритизации. Подтверждение этому тезису можно обнаружить, к примеру, в работах датской исследовательницы Лене Хансен, показавшей, что в некоторых ситуациях десекуритизация проблемы не приносит пользы, а только усугубляет ситуацию. Эксперт продемонстрировала свою позицию

на примере практики так называемых убийств чести, распространенных во многих мусульманских регионах мира и связанных с расправами над женщинами, обвиняемыми в неподобающем поведении. Женщина, подвергшись сексуальному или домашнему насилию, не может заявить о своей проблеме или рассчитывать на помощь окружающих; более того, такие действия могут привести даже к смерти женщины от рук членов собственной семьи, усматривающих в предании огласке этой ситуации позор и бесчестие для всего рода. Выходит, что проблема, носящая системный характер, десекуритизируется и даже деполитизируется, но положение женщин в обществе не улучшается. Такого рода ситуацию Л. Хансен назвала «скрытой дилеммой безопасности» (*silent security dilemma*) [Hansen, 2000]; к схожим выводам позднее пришли и ряд других ученых [Elbe, 2006; Mackenzie, 2009].

На практике зачастую бывает и так, что десекуритизация одних вопросов политики оборачивается секьюритизацией других [Aras, Polat, 2008; Watson, 2013], разрешает одни противоречия, но порождает другие споры и конфликты [Jacobsen, Strandsbjerg, 2017].

Некоторые исследователи склонны считать, что иногда это делается намеренно, когда десекуритизация просто используется как своеобразная речевая манипуляция [Austin, Beaulieu-Brossard, 2017]. Схожим образом некоторые эксперты рассматривают десекуритизацию как политическую тактику, позволяющую амортизировать ситуацию и выигрывать время [Biba, 2014], или инструмент «мягкой силы» как пример конъюнктурной и неискренней десекуритизации [Jakimów, 2019].

Обобщая существующие подходы и классификации, все рассмотренные стратегии можно трактовать как различные формы десекуритизации и представить их в виде таблицы (табл. 1).

Установленное многообразие форм и способов проявления десекуритизации существенно осложнило логику нормативного анализа. Стало видно, что десекуритизация приносит пользу от случая к случаю, а в некоторых формах даже усугубляет проблемную ситуацию. Тем не менее для деонтологической традиции в целом характерно трактовать десекуритизацию как позитивное явление и способ возвращения к «нормальной политике». Десекуритизация становится символом эмансипации и универсальной нравственно-политической стратегией [Bilgin, 2007: 559], направленной на

ограничение ползучей экспансии логики безопасности в различные сферы международной жизни.

Таблица 1

Формы десекуритизации в международных отношениях

Форма	Способ действия	Вероятная цель
<i>Замещение</i> Replacement	Переоценка, смена дискурса	Секьюритизация другой проблемы, смена приоритетов
<i>Заглушение</i> Silencing	Деполитизация, исключение вопроса из публичной повестки	Сохранение статус-кво, уклонение от решения проблемы, извлечение выгоды
<i>Репартикуляция</i> Rearticulation	Возвращение к публичному диалогу, частичный или полный отказ от риторики безопасности	Поддержание отношений, снижение рисков, амортизация ситуации
<i>Стабилизация</i> Stabilization	Управление секьюритизацией, институциональная адаптация	Контроль и предсказуемость, сдерживание дилеммы безопасности

Источник: составлено автором.

Позиции сторонников деонтологического подхода резонировали международно-политическому контексту начала 2000-х годов. Так, серьезной критике подвергались секьюритизация международного терроризма в рамках так называемой глобальной войны с терроризмом и последовавшие за этим интервенции США на Ближнем Востоке [Buzan, 2006]. Схожим образом ученые Парижской школы исследований международной безопасности подвергали критике секьюритизацию мигрантов в ЕС, видя в этом своеобразную технологию легитимации власти [Bigo, 2002].

Когда секьюритизация этична: поиск универсальных критериев

В то же время принципиально иную логику рассуждений избрали исследователи, условно причисляемые к универсалистскому подходу. Опровергая тезис о моральном превосходстве десекуритизации над секьюритизацией, эти ученые сделали акцент на неизбежности и даже необходимости последней. Весьма красноречиво данную позицию суммирует, в частности, Кен Бут: «Десекуритизация может обезоружить. Решать вопросы силами “повседневной” политики — это хорошая задумка: кто не предпочтет эту идею угрозе

политического насилия? Но «повседневная» политика может не выручить в чрезвычайных обстоятельствах; в самом деле, трактовать экстраординарные вопросы как часть повседневной политики — это проблема, а не решение» [Booth, 2007: 168].

Весьма закономерно в этой связи возникает задача определить, когда секьюритизация оказывается эффективным и желательным средством решения проблемы безопасности, а в каких случаях, наоборот, приводит к негативным последствиям. Иными словами, в рамках универсалистского подхода речь идет о создании универсальных критериев нормативной оценки секьюритизации для более дальновидной и эффективной государственной политики.

Именно по такому пути пошла британская исследовательница Рита Флloyd, заложившая основы новой нормативной теории, которая получила впоследствии название «теория справедливой секьюритизации» (*theory of just securitization*). Как можно догадаться из названия, она во многом обязана своим содержанием теории справедливой войны, сформулированной американским исследователем М. Уолцером в 1977 г. и развитой в дальнейшем целым рядом авторов.

Подход Р. Флloyd был также вдохновлен динамикой академических дебатов о международной безопасности, развернувшихся в Европе в начале XXI в. Именно в это время обрел особую популярность подход так называемой Уэльской школы исследований о международной безопасности К. Бута и Р. Уин Джонса, рассматривавших безопасность как инструментальную ценность и позитивное явление. Эта позиция резко контрастирует с оценками Копенгагенской школы и заключается в том, что правильная политика безопасности должна приводить к эмансипации и освобождению людей (как отдельных личностей, так и групп) от всякого рода ограничений, бедности, плохого образования, политического угнетения и т.д. [Booth, 1991: 319]. Можно сказать, что в этом случае исследователь сам в какой-то степени становится политиком, поощряя или осуждая те или иные формы секьюритизации в зависимости от того, ведут ли они к названной эмансипации или нет.

Таким образом, в подходе британской исследовательницы классическая концептуальная рамка теории секьюритизации была дополнена нормативными аргументами Уэльской школы, что, по мнению самой Р. Флloyd, может позволить сформировать достойную альтернативу традиционным подходам к исследованию безопасности.

В этом ключе Р. Флойд написала ряд работ, в которых, в частности, выделила позитивную и негативную секьюритизацию. Следуя логике Уэльской школы, Р. Флойд в этом вопросе предложила исходить прежде всего из ожидаемых социальных последствий политики безопасности. Так, по мнению эксперта, позитивная секьюритизация — это «жесткое политическое решение, которое в пределах моральных норм и предпочтительно на основании политических интересов большинства справляется с проблемой безопасности и делает это быстрее, лучше и эффективнее, чем политизация, предлагая обоснованную и полезную альтернативу». В свою очередь негативная секьюритизация представляет собой такое «жесткое политическое решение, которое оказывается выгодным немногим и/или является слишком узким, чтобы справиться с проблемами, порождающими небезопасность» [Floyd, 2007: 342].

Схожим образом автор позднее рассуждала о секьюритизации, выгодной или референтному объекту безопасности, или самому агенту секьюритизации [Floyd, 2010]. В этом контексте соответственно оценка политики безопасности была дополнена критерием о намерениях политических акторов: действительно ли они стремятся к защите референтного объекта (государства, общества и т.п.) или преследуют иные цели, лишь прикрываясь благими намерениями [Floyd, 2011].

Примечательно, что эти выводы были сделаны Р. Флойд на основе многолетнего изучения вопросов безопасности в сфере климата и окружающей среды. По словам самой исследовательницы, в начале своего академического пути она предполагала, что секьюритизация вопросов изменения климата поможет разрешить эти проблемы [цит. по: Sardoc, 2021: 143]. Однако, анализируя тенденции во внешней политике США при администрациях У. Клинтона и Дж. Буша-мл., ученый обнаружила, что ни секьюритизация, ни последовавшая за этим десекуритизация вопросов безопасности окружающей среды не послужила нуждам американского народа. Климатическая безопасность, по мнению автора, стала прикрытием, за которым реализовывались узконаправленные и корпоративные интересы американского истеблишмента [Floyd, 2010: 121, 192].

К 2019 г. наработки автора сложились в полноценную теорию, в которой Р. Флойд сформулировала 11 универсальных критериев для справедливой секьюритизации и десекуритизации (табл. 2). По аналогии с теорией справедливой войны эти критерии делятся

Таблица 2

**Нормативные цели и критерии справедливой секьюритизации
и десекуритизации согласно Р. Флойд**

	Нормативная цель	Нормативный критерий	
Секьюритизация	Адекватно (достаточными средствами) среагировать на проблему	Справедливая причина и инициирование	Наличие объективной экзистенциальной угрозы Наличие легитимного референтного объекта
			Намерения агента секьюритизации соответствуют задаче защиты референтного объекта Ожидаемый положительный эффект перевешивает ожидаемый вред от секьюритизации Секьюритизация имеет разумные шансы на успех, при том что шансы обосновать причину для секьюритизации оцениваются выше, чем шансы обосновать необходимость принятия альтернативных решений
Десекуритизация	Добиться стабильной и продолжительной десекуритизации вопроса	Справедливое проведение	Принимаемые меры адекватны угрозе и нацелены исключительно на ее нейтрализацию Принимаемые меры эффективны, если наносят минимально возможный ущерб и причиняют референтному объекту меньше вреда, чем при отсутствии секьюритизации Принятие мер сопряжено с соблюдением соответствующих прав человека
		Справедливое завершение	Десекуритизация предпринимается после нейтрализации угрозы, если секьюритизация была обоснованной, или немедленно, если она таковой не была О десекуритизации заявляется публично, и это соответствует наблюдаемым изменениям в риторике и действиях акторов Разрабатываются и принимаются меры для профилактики повторной секьюритизации сообразно контексту ситуации

Источник: составлено автором.

на три группы: (1) справедливая причина (когда и при каких обстоятельствах секьюритизация морально оправдана?); (2) справедливое проведение (как следует проводить связанную с секьюритизацией политику безопасности?); (3) справедливое завершение (как и при каких обстоятельствах следует десекуритизировать проблему?). По словам Р. Флойд, политика безопасности может считаться спра-

ведливой и морально обоснованной только в том случае, если она соответствует всем критериям без исключения [Floyd, 2019: 175].

Как и специалисты Копенгагенской школы, Р. Флойд считает социально-политической миссией теории секьюритизации уменьшение негативных эффектов от неоправданных практик безопасности. В то же время в своих работах она идет дальше и говорит о теории справедливой секьюритизации как о потенциальном этическом стандарте для принятия решений, «обеспечивая общественность инструментами, позволяющими призывать практиков в сфере безопасности к ответственности, делая, таким образом, возможным наступление позитивных изменений» [Floyd, 2019: 5].

В конце концов эти рассуждения привели специалиста к вопросу о том, в каких обстоятельствах секьюритизация может быть не просто справедлива и морально оправданна, но и морально необходима, т.е. обязательна к исполнению. Такого рода секьюритизацию Р. Флойд назвала «обязательной» (*mandatory securitization*).

В каких же случаях политики не только могут, но и должны секьюритизировать проблемы? Р. Флойд снова нашла ответ в теории справедливой войны, обратившись к принципу крайнего средства (*last resort*). Данный принцип, введенный в научный оборот М. Уолцером, подразумевает, что война становится необходимым средством решения разногласий, только когда все остальные, мирные способы были уже испробованы и исчерпаны. В контексте исследований о международной безопасности это означает, что к секьюритизации необходимо обращаться только тогда, когда уже были применены другие разумные и менее вредные альтернативы (т.е. политический диалог, переговоры и т.п.).

Всё это не отменяет требований к справедливости причины. Угроза, во-первых, должна быть реальной, т.е. суждения о ней должны быть подкреплены некоторыми доказательствами, дающими основания считать ее реальной [Parfit, 2011]. Во-вторых, референтные объекты безопасности должны считаться легитимными (такowymi, по мнению, автора, могут выступать группы людей, общества, экосистемы, некоторые политические режимы) [Floyd, 2019: 107]. В-третьих, агенты секьюритизации должны быть искренними в своих намерениях защитить референтный объект, который они сами же декларировали [Floyd, 2024: 21]. Наконец, в-четвертых, предвосхищаемое благо от секьюритизации должно превосходить ожидаемый вред [Floyd, 2024: 196].

В духе теории справедливой войны [Rodin, 2002; McMahan, 2005] Р. Флойд также сформулировала понятия самосекьюритизации (*self-securitization*) и секьюритизации «Другого» (*other-securitization*). Весьма новаторской можно считать и предложенную автором классификацию международных акторов, которые могут прибегать к обязательной секьюритизации: государства, негосударственные акторы (включая насильственных), субсистемные коллективные государственные акторы (по типу ЕС и НАТО) и системные акторы (например, Совет Безопасности ООН). В каждом случае порог вовлеченности и спектр обязанностей акторов различен, однако, по мнению автора, имеет место своеобразная иерархия: в первую очередь гарантом безопасности должны выступать государства и субсистемные коллективные государственные акторы, и лишь при невозможности секьюритизации с их стороны в дело обязаны вмешаться негосударственные и системные акторы [Floyd, 2024: 144, 200].

Вклад Р. Флойд в развитие теории секьюритизации оказался весьма многогранен, хотя представленный подход не лишен недостатков (о чем будет сказано далее). Важно отметить другое: секьюритизация в рамках такого подхода представляется неизбежным явлением, которое подчеркивает конфликтную природу мировой политики и требует некоего этического руководства со стороны экспертного сообщества и просвещенных политических деятелей. Именно этим обстоятельством продиктована необходимость создания таких универсальных принципов и критериев нормативной оценки секьюритизации, какими бы несовершенными они ни казались.

В схожей манере о необходимости выработки новой универсальной этики международной безопасности рассуждает немецкий исследователь Томас Диз. В его работах секьюритизация также предстает как неоднозначное и «двуликое» явление: иногда морально необходимое, а иногда морально неприемлемое. Только, в отличие от Р. Флойда, эксперт подчеркивает сложную диалектическую связь, существующую между этими двумя формами секьюритизации: одна невозможна без другой, и поэтому однозначная нормативная оценка секьюритизации чрезвычайно затруднена [Diez, 2023: 36].

Позитивное значение Т. Диз приписывает так называемой прогрессивной секьюритизации (*progressive securitization*). Под данным термином автор понимает такой подход к решению проблем безопасности, который ведет к солидаризации международного общества и изменению политических приоритетов в сторону от исключи-

тельно государственных интересов к удовлетворению личностных и глобальных потребностей, не допуская при этом чрезмерного ограничения политического диалога. Противоположная опция — это так называемая регрессивная секьюритизация (*regressive securitization*), под которой понимается такой подход к решению проблем безопасности, который ведет к плюрализации международного общества, воспроизводству логики конфронтации и изменению политических приоритетов в сторону защиты государственного суверенитета, исключая при этом прочие референтные объекты безопасности [Diez, 2023: 24, 28–29, 36].

Можно заметить, что для Т. Диза главным мерилом этичности секьюритизации выступает отнюдь не эффективность в решении проблемы безопасности. Для него оказывается важен не столько результат, сколько сам процесс и те социальные последствия, к которым он приводит. Об этих последствиях специалист предпочитает рассуждать в терминах «Английской школы» теории международных отношений, говоря о плюрализации и солидаризации международного общества. Т. Диз опирается на целый пласт работ, относимых к данной интеллектуальной традиции [Williams, 2005; Bain, 2021], явно выражая позицию солидаристов и представителей космополитического направления внутри нее [Linklater, 2006]. Автор отмечает: «Хотя гуманизм либерального порядка после холодной войны должен был укрепить солидаристские представления о транснациональной ответственности, на деле он так и не смог вырваться из “территориальной ловушки” доминирующих концепций в международных отношениях» [Diez, 2023: 37].

Текущий кризис глобального миропорядка Т. Диз связывает как раз с чрезмерным преобладанием регрессивной секьюритизации, ставящей во главу угла защиту суверенитета и незыблемость территориальных границ, но пренебрегающей защитой от глобальных угроз человечеству и планетарной экосистеме (например, от голода, вымирания биологических видов, изменения климата).

Этика безопасности в контексте: прагматическая альтернатива

Политический контекст эпохи 2010-х годов существенно повлиял на дальнейшее развитие научных изысканий в области этики международной безопасности. Усиление незападных центров силы и формирование многополярной архитектуры миропорядка актуализировали проблему адаптации западных политических теорий

к иным социокультурным реалиям и привели к переосмыслению стратегий взаимодействия западных государств с восходящими державами Глобального Юга.

Именно эти вопросы оказались в центре внимания британской исследовательницы Джонны Найман, посвятившей отдельную работу детальному изучению практик энергетической безопасности в США и Китае в период с 2004 по 2016 г. [Nyman, 2018]. Разделяя скептическое видение процессов секьюритизации, Дж. Найман приходит к выводу, что принятый в обеих странах курс на секьюритизацию энергетики фактически приводит к дефициту доверия между двумя державами, способствуя еще большему разладу и небезопасности³. Однако вопреки идеям теоретиков Копенгагенской школы ученая настаивает на том, что безопасность всё же может иметь позитивное значение и даже обладает потенциалом стать всеобъемлющим моральным и политическим благом [Nyman, Burke, 2016: 7].

Дж. Найман совместно с австралийским ученым-международником Э. Берком ставит вопрос об этическом кризисе в области исследований о международной безопасности. По мнению экспертов, этот кризис во многом обусловлен непреходящим доминированием различных форм политического реализма, либерального интервенционизма и неоконсерватизма в определении целей и средств политики национальной безопасности [Nyman, Burke, 2016: 1]. Таким образом, те политические субъекты, которые должны выступать гарантами безопасности, в силу доминирующих в политике представлений часто сами становятся источниками небезопасности. Как отмечают авторы, об этом глубоком этическом кризисе в исследуемой сфере свидетельствуют продолжающиеся конфликты и насилие в странах Африки и Ближнего Востока, миграционные кризисы, а также неспособность международного сообщества принять превентивные меры по борьбе с изменением климата.

Ситуацию дополнительно усугубляет то обстоятельство, что исследования о международной безопасности — это целиком и полностью интеллектуальный продукт западнцентричного миропорядка. Опираясь на традицию постколониальных трудов [Bilgin, 2010; Barkawi, Laffey, 2006], Дж. Найман справедливо отмечает, что исследования о безопасности выдают «западный» опыт за общечело-

³ Interview — Jonna Nyman // E-International Relations. 27.05.2019. Available at: <https://www.e-ir.info/2019/05/27/interview-jonna-nyman/> (accessed: 20.08.2025).

веческий, не замечая проблем, испытываемых в других странах мира и игнорируя исторический опыт большей части населения планеты. Основанные исключительно на западноцентричном восприятии этические стратегии будут, таким образом, осознанно или неосознанно воспроизводить существующие проблемы безопасности, мало приближая исследователей к истинному пониманию международной политики [Nyman, 2023]. Этим, в частности, объясняется призыв Дж. Наймана к «провинциализации» концепта безопасности в духе идей Д. Чакрабарты о провинциализации Европы [Чакрабарты, 2021].

Итак, не занимая ни одну из ранее обозначенных позиций, Дж. Найман предлагает качественно иной взгляд на проблему нормативного анализа в теории секьюритизации. Для того чтобы безопасность стала политическим благом, ее сначала следует рассмотреть во всём многообразии ее локальных форм и проявлений, поскольку само понимание «правильной» или «неправильной» политики безопасности может существенно различаться в зависимости от временного и пространственного контекста [Nyman, 2016a].

Свою позицию Дж. Найман обозначает как прагматический подход (*pragmatist frame*), вбирающий в себя элементы сразу трех интеллектуальных традиций: американского прагматизма [Dewey, 1910], теории международных практик [Adler, Pouliot, 2011] и контекстуализма [Ciută, 2009]. По существу, данная исследовательская стратегия заключается в отказе от поиска универсальных критериев нормативной оценки и в получении «практического знания о ценности и этике безопасности для понимания, когда она является “хорошей” в определенном времени и месте» [Nyman, 2016a]. В фокусе внимания исследователя оказываются практики безопасности, определяемые как «социально значимые паттерны действий» и включающие дискурс, идеи, властные отношения, политические меры и даже физическое воздействие [Nyman, 2016b]. Такой аналитический ракурс роднит подход Дж. Наймана с политической социологией. Специалист формулирует перечень из дюжины исследовательских вопросов, отвечая на которые, можно получить такого рода практическое знание (например, кто является ключевыми акторами; кто уполномочен проводить политику безопасности, а кто нет; как различные акторы представляют себе безопасность и т.д.).

Эти вопросы позволяют изучать очень широкий спектр практик и акторов, вовлеченных в обсуждение и реализацию политики без-

опасности. Ссылаясь на современные труды специалистов в области повседневной безопасности [Crawford, Hutchinson, 2016; Guillaume, Huysmans, 2019], Дж. Найман заявляет, что такой подход позволяет обнаруживать практики, которые мы считаем «обыденными, неважными и преполитическими», и продемонстрировать, что они на самом деле имеют политический смысл и оказываются связанными с международной политикой [Nyman, 2021: 316].

Для описания безопасности в ее обыденных и повседневных проявлениях автор выделяет три направления эмпирического анализа: 1) мирское пространство (изучение того, как практики безопасности проявляются в обыденных публичных пространствах — от кафе до строительных площадок и т.п.); 2) рутинные практики (выявление повседневных паттернов и повторяющихся практик, связанных с безопасностью); 3) переживаемый опыт (изучение эмоций и их роли в политике безопасности).

Применяя данную исследовательскую стратегию в контексте современного Китая, Дж. Найман обращается к одному из методов визуальной социологии — партиципаторной фотографии. Суть этого метода в контексте исследований безопасности состоит в том, что участвующие респонденты самостоятельно делают серию фотографий, отражающих их взаимодействие с безопасностью в повседневной жизни и передающих их опыт и чувства по отношению к ней. Полученные результаты затем обсуждаются с респондентами посредством глубинного интервью.

Другой метод, также активно применяемый Дж. Найман, — это метод концептуальной истории, заимствованный ею из работ Дж. Фарра и К. Скиннера [Farr, 1989; Skinner, 2002]. По ее мнению, в контексте исследований о международной безопасности данный метод может продемонстрировать, как формировались локальные концепты безопасности, как они менялись со временем и какое влияние оказывали на политику безопасности тех или иных государств, формируя смыслы и предвосхищая политическую практику [Nyman, 2023].

Таким образом, можно заключить, что в теории секьюритизации сложились три самобытных подхода для нормативной оценки практик безопасности. Во всех случаях социально-политическая миссия теории видится авторам схожим образом и заключается в ограничении нежелательных эффектов, накладываемых практи-

ками безопасности на международную жизнь. Однако каждый из подходов предлагает собственное видение реализации этой миссии, по-разному расставляя акценты в исследовании (табл. 3).

Таблица 3

Сравнение подходов к нормативной оценке практик безопасности в теории секьюритизации

Критерии	Деонтологический подход	Универалистский подход	Прагматический подход
Прочтение безопасности	<i>Негативное:</i> секьюритизация ведет к логике конфронтации и ужесточению социального контроля	<i>Двойственное:</i> секьюритизация оценивается на базе универсальных критериев	<i>Контекстуальное:</i> секьюритизация оценивается в контексте локально принятых норм и ценностей
Нормативный идеал	Десекьюритизация как возврат к диалогу и «нормальной политике»	Справедливая секьюритизация; прогрессивная секьюритизация	Локальные практики безопасности, учитывающие культурные и исторические особенности региона
Ключевые авторы	О. Вэвер, Б. Бузан, Л. Хансен	Р. Флорид, Т. Диз	Дж. Найман
Историко-политический контекст	Окончание холодной войны, рост национализма в Европе, «9/11», миграционный кризис в Европе	Климатическая политика США, кризис либерального миропорядка, российско-украинский конфликт	Рост многополярности в мире, конфликты США — Китай в энергетике, кризисы на Ближнем Востоке / в Африке
Критика	<i>Избирательность;</i> игнорирование случаев, когда секьюритизация необходима	<i>Западноцентризм;</i> риски злоупотребления критериями в интересах отдельных акторов	<i>Релятивизм;</i> отсутствие четких этических ориентиров

Источник: составлено автором.

Проблемы и ограничения нормативных подходов к оценке практик безопасности

Следует подчеркнуть, что все перечисленные подходы к нормативной оценке практик безопасности в теории секьюритизации

сами не лишены изъянов и существенных недостатков нормативного и этического характера. Какие-то из них признаются самими зарубежными авторами, какие-то — нет. Рассмотрим, например, прагматический подход Дж. Найман. Во-первых, при всей убедительности призывов к «провинциализации» концепта безопасности подход автора обладает одним существенным недостатком: практические знания о ценности и этике безопасности в ее локальных контекстах совсем не обязательно дают нам представление о том, какой безопасность должна или не должна быть. Более того, исследователь рискует и вовсе быть сбитым с толку, погружаясь в бесконечную череду реинтерпретаций безопасности и тесно связанных с ними геополитических нарративов. Можно вполне согласиться с мнением Р. Флойда, что данный подход «рискует превратить ценность безопасности в сугубо субъективный процесс, порождая тем самым объективно неэтичные ее формы. Без сомнения, многие немецкие неонацисты посчитали бы, что применение огнестрельного оружия на границах Германии для сдерживания потока мигрантов повысит их безопасность» [Floyd, 2019: 43–44].

Во-вторых, столь же неоднозначным выглядит решение Дж. Найман изучать безопасность в ее обыденных и повседневных проявлениях. Безусловно, практическое знание о том, как люди взаимодействуют с безопасностью в своей повседневной жизни, может оказаться полезным. Более того, такая идея придется по нраву многим критическим теоретикам, призывающим к альтернативным концептуализациям безопасности. Однако даст ли это знание ответ на вопрос, какие формы безопасности считать этическими, а какие — нет? Люди в своей повседневной жизни могут испытывать самые разные проблемы и трудности, решению каких из них отдавать приоритет?⁴ И что тогда делать с проблемами безопасности, над которыми люди в своей повседневности могут даже не задумываться?

В-третьих, интригующий, на первый взгляд, метод концептуальной истории в применении Дж. Найман также скорее разочаровывает, чем очаровывает. Автор рассматривает эволюцию концепта безопасности в Китае, но сосредоточивается лишь на его дословном

⁴ Более того, применяя метод партиципаторной фотографии, Дж. Найман ограничивается крайне маленькой выборкой — всего шесть жителей Пекина [Nyman, 2021: 315]. Такая выборка явно недостаточна для того, чтобы судить о практической ценности безопасности в масштабах всего Китая.

означающем — термине «безопасность» (кит. — 安全). Между тем, как обнаруживает сама Дж. Найман, этот термин оказался заимствованным из западного политического дискурса и начал фигурировать в китайском лексиконе лишь с конца 1970-х годов. Само собой разумеется, анализ автора показал, что китайское видение безопасности является своеобразной мимикрией западного восприятия, адаптированной к местным реалиям [Nyman, 2023: 690]. Как же могло получиться иначе, если автор рассматривал заимствованное понятие, пренебрегая другими возможными означающими и означаемыми (например, «гармония», «порядок»)?

Еще больше сложностей возникает при знакомстве с работами сторонников универсалистского подхода. Фундаментальные вопросы, на которые не находится ответа в трудах Р. Флойд: кто же на практике будет судить о том, когда секьюритизация считается морально оправданной, и как препятствовать возможному злоупотреблению, связанным с ложной интерпретацией критериев справедливой секьюритизации? Предположение автора о том, что широкое распространение принципов справедливой и обязательной секьюритизации позволит общественности распознавать дезинформацию [Floyd, 2024: 19], звучит наивно: принципы, данные без их интерпретации в конкретной международной ситуации, — всё равно что пустой сосуд, который может быть наполнен чем угодно. Интерпретация ситуаций в свою очередь никогда не находится в руках широкой общественности: контроль над этой сферой чаще всего сосредоточен у крупных медиа и поддерживающих их политических элит. Речь идет о тех, кого известный специалист по международным отношениям Дж. Дер Дериан образно назвал комплексом «военно-промышленно-медийно-развлекательной сети» (MIME-NET) [Der Derian, 2000: 786]. Таким образом, общественность, вооруженная принципами, но лишенная доступа к конкретным свидетельствам, скорее станет частью кампании по дезинформации, чем средством борьбы с ней⁵.

⁵ В этом контексте любопытны рассуждения Т. Диза о России. Немецкий ученый пишет, что для обоснования своей военной операции на Украине «Россия даже не потрудилась пойти по пути Совета Безопасности или предоставить доказательства международному сообществу в целом» [Diez, 2023: 34]. Автор, по-видимому, не знает, что Россия в феврале 2022 г. представляла в Совет Безопасности ООН документы о преступлениях киевского режима, а проведению военной операции предшествовали попытки урегулировать конфликт в ходе Минских соглашений (2014–2022).

Не менее серьезной проблемой универсалистского подхода является его выраженный евроцентризм. Это признает и сама Р. Флойд, говоря о своем выборе в пользу западной аналитической и моральной философии [Floyd, 2024: 31]. В контексте обсуждения вопросов безопасности такая позиция чревата рисками. Показательны в этом плане рассуждения Р. Флойда о праве политических режимов на самооборону и самосекьюритизацию. По замыслу автора, таким правом не обладают политические режимы и акторы, признаваемые «нравственно дурными». Для того чтобы не попасть в эту категорию, политические режимы должны следить за обеспечением базовых человеческих потребностей своего населения, не прибегая к убийствам невинных, запугиванию, террору и вымогательствам. И таким качеством, по мнению исследователя, могут обладать только демократические политические режимы [Floyd, 2024: 21].

Нетрудно догадаться, что применение такого подхода на практике зачастую ведет к углублению существующих противоречий и обострению конфликтных отношений. Политические элиты западных стран в силу сложившейся традиции всегда будут называть свои политические режимы демократическими, мало прислушиваясь к мнению мирового большинства (трудно представить себе ситуацию, в которой Вашингтон всерьез обеспокоен аргументами Ирана о том, что США не отвечают всем признакам либеральной демократии). На такого же рода монополию западные политические элиты будут рассчитывать и при «клеймении» неугодных политических режимов как недемократических, а следовательно, и «нравственно дурных». Предвосхищаемая таким образом система — это прямой путь к либеральному империализму [Ignatieff, 2003]; это система воспроизводства идейного и ценностного доминирования Запада, основанная на дискурсивной монополии западных политических элит решать, какие политические режимы заслуживают право на секьюритизацию и безопасность, а какие нет.

Словно в подтверждение этой гипотезы Р. Флойд заявляет, что первоочередную ответственность за международную безопасность должны нести «друзья и союзники» (сообщества по типу ЕС и НАТО) в обход Совета Безопасности ООН, возможности которого ограничены из-за наличия права вето [Floyd, 2024: 173–175]. Автор также всерьез изучает возможности НАТО стать «мировым полицейским» [Floyd, 2024: 160], хотя сама постановка такого вопроса

представляется неуместной в нынешних реалиях. По-видимому, исследователь весьма точно отразила современный евро-атлантический подход к решению проблем международной безопасности: предполагается, по сути, отказ от налаживания конструктивных отношений с Россией и Китаем в СБ ООН и, как следствие, дальнейшая эрозия ооноцентричного миропорядка. Более того, эта логика также обесценивает ряд заслуживающих внимания инициатив в области реформы концепции «обязанность защищать», выдвинутых самим же автором⁶. В целом трудно представить, как такая этика международной безопасности будет способствовать снижению конфликтности в мире. Предложенный подход с большей вероятностью станет орудием «оправдательной идеологии» [Бурдье, 2005: 503], где «в зависимости от переписания всё может выглядеть хорошим или плохим» [Рорти, 1996: 104].

Что же касается деонтологического подхода, то о его главном недостатке уже было сказано ранее: это односторонность в трактовке секьюритизации как негативного и нежелательного явления, а десекуритизации — как предпочитаемой нравственно-политической стратегии. Такой подход не выдерживает критики, так как в реальности десекуритизация далеко не всегда приводит к решению проблемы и урегулированию противоречий, а секьюритизация во многих случаях бывает востребованной и даже необходимой. Есть, однако, еще одно, более фундаментальное объяснение несостоятельности данного подхода.

Как отмечает в своих работах Й. Хёйсманс, без представлений о безопасности и небезопасности мир политики невозможен — сама суть политического задается политикой безопасности [Huysmans, 2006], определяющей границы между политическим злом и добром.

⁶ Суть предлагаемой Р. Флойдом реформы состоит в том, чтобы сменить акценты в реализации принятой ООН концепции «обязанность защищать» (R2P) в сторону от гуманитарных интервенций к невоенным методам воздействия на целевое государство: порицанию, санкциям, эмбарго, отмене членства в организациях и созданию позитивной мотивации [Floyd, 2024: 193]. Другое дело, что, перекладывая первоочередную ответственность за безопасность на региональные коалиции «друзей и союзников», автор рискует превратить СБ ООН (равно как и R2P) в декоративный элемент архитектуры международной безопасности. Есть риск, что на практике такая структура будет существовать только для того, чтобы внушать России и Китаю чувство собственной значимости, тогда как реальные полномочия по обеспечению международной безопасности перейдут к коалициям так называемых либерально-демократических государств.

Полная и всеобъемлющая десекьюритизация как выход из порочного круга логики безопасности — это, по сути, утопия и недостижимая нормативная цель [Behnke, 2006], реализация которой на практике означала бы конец политики. Политика достижения безопасности и, что не менее важно, воспроизводство небезопасности жизненно необходимы любому политическому объединению: без существования угроз, от которых следовало бы защищаться, государство потеряет для людей всякий смысл [Campbell, 1998: 12], а политики утратят свою символическую власть над населением [Bigo, 2002: 65].

* * *

Означает ли всё сказанное, что существующие нормативные подходы в теории секьюритизации оказались несостоятельными? Учитывая, что любая научная теория в принципе не обходится без недостатков, ответить на данный вопрос утвердительно нельзя. Напротив, пока можно отметить лишь растущее многообразие методологических позиций и сохраняющуюся связь научных исследований с наиболее актуальными вопросами мировой политики.

Представляется, что некоторые изыскания в этой области действительно могут привести к впечатляющим результатам. Так, весьма многообещающими выглядят исследования в русле прагматического подхода, нацеленные на «провинциализацию» концепта безопасности: выявление ценности и этики безопасности в ее региональных и локальных контекстах за пределами политического Запада. Хороший задел для будущих изысканий создается и в рамках универалистского подхода, направленного на формирование общепринятых и универсальных критериев нормативной оценки политики безопасности. С осторожным оптимизмом можно предположить, что именно на основе синтеза идей, предложенных сторонниками этих двух подходов, удастся в будущем договариваться о новой, истинно универсальной этике международной безопасности, которая окажется приемлемой для мирового большинства.

Эта этика, впрочем, никогда не будет работать безупречно, коль скоро логика безопасности, описывающая мир в терминах угроз и ответных мер, пронизывает всю нашу политическую жизнь. Как бы парадоксально это ни звучало, но безопасность попросту не выглядит убедительным концептом для долгосрочного решения проблем безопасности и продвижения мира. Иными словами, на основе политики безопасности чрезвычайно трудно выстраивать

подлинно позитивную повестку, способствующую снижению конфликтности в международных отношениях. При этом достигнуть обратного эффекта не составляет большого труда. Попытки ряда ученых сформулировать универсальные критерии оценки практик безопасности отчетливо показывают, как благие намерения могут привести к усугублению существующих идеологических противоречий и проблем безопасности. В этом смысле любые нормативные подходы в исследованиях о международной безопасности всегда будут сталкиваться с серьезными ограничениями.

Во многом поэтому социально-политическая миссия теории секьюритизации, заключающаяся в сдерживании и ограничении негативных эффектов безопасности, в определенном смысле обречена на неудачу. Но там, где исчезает одна перспектива, находятся альтернативные пути.

Представляется, что воплощение того мощного гуманистического посыла, который сформулирован авторами теории секьюритизации, следует искать за пределами не только самой теории, но и исследований о международной безопасности в целом. Целесообразно, к примеру, снова вернуться к исследованиям мира, до сих пор находящимся на маргинальном положении в науке о международных отношениях. Большую ценность представляют и другие концепты (в том числе «дружба», «доверие», «эмпатия»), на основе которых возможно выстраивать позитивную повестку межгосударственных отношений и мировой политики. Именно такого рода способность к творческому выстраиванию образов будущего может сыграть решающую роль в борьбе за более гармоничный и подлинно многополярный мир.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурдьё П. Поле науки // Социальное пространство: поля и практики / Отв. ред. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2005. С. 473–517.
2. Гайдаев О.С. «Осторожно, безопасность!» Теория (ин)секьюритизации и Парижская школа исследований международной безопасности // Вестник МГИМО-Университета. 2022. Т. 15. № 1. С. 7–37. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-1-82-7-37.
3. Гайдаев О.С. Теория секьюритизации, или Хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 20–32. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32.

4. Конышев В.Н., Парфенов Р.В. Гибридные войны: между мифом и реальностью // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 12. С. 56–66. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66.

5. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.

6. Чакрабарты Д. Провинциализируя Европу. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021.

7. Adler E., Pouliot V. *International practices: Introduction and framework* // *International practices* / Ed. by E. Adler, V. Pouliot. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 3–35.

8. Aras B., Polat R.K. From conflict to cooperation: Desecuritization of Turkey's relations with Syria and Iran // *Security Dialogue*. 2008. Vol. 39. No. 5. P. 495–515. DOI: 10.1177/0967010608096150.

9. Austin J.L., Beaulieu-Brossard P. (De)securitisation dilemmas: Theorising the simultaneous enaction of securitisation and desecuritisation // *Review of International Studies*. 2017. Vol. 44. No. 2. P. 1–23. DOI: 10.1017/S0260210517000511.

10. Bain W. Pluralism and solidarism // *International society: The English School* / Ed. by C. Navari. Cham: Palgrave Macmillan, 2021. P. 95–108.

11. Barkawi T., Laffey M. The postcolonial moment in security studies // *Review of International Studies*. 2006. Vol. 32. No. 2. P. 329–352. DOI: 10.1017/S0260210506007054.

12. Behnke A. No way out: Desecuritization, emancipation and the eternal return of the political — A reply to Aradau // *Journal of International Relations and Development*. 2006. Vol. 9. No. 1. P. 62–69. DOI: 10.1057/palgrave.jird.1800070.

13. Biba S. Desecuritization in China's behavior towards its transboundary rivers: The Mekong River, the Brahmaputra River, and the Irtys and Ili Rivers // *Journal of Contemporary China*. 2014. Vol. 23. P. 21–43. DOI: 10.1080/10670564.2013.809975.

14. Bigo D. Security and immigration: Toward a critique of the governmentality of unease // *Alternatives: Global, Local, Political*. 2002. Vol. 27. Special Issue. P. 63–92. DOI: 10.1177/03043754020270S105.

15. Bilgin P. Making Turkey's transformation possible: Claiming 'security-speak' — not desecuritization! // *Journal of Southeast European and Black Sea Studies*. 2007. Vol. 7. No. 4. P. 555–571. DOI: 10.1080/14683850701726039.

16. Bilgin P. The 'Western-centrism' of security studies: 'Blind spot' or constitutive practice? // *Security Dialogue*. 2010. Vol. 41. No. 6. P. 615–622. DOI: 10.1177/0967010610388208.

17. Booth K. Security and emancipation // *Review of International Studies*. 1991. Vol. 17. No. 4. P. 313–326. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0260210500112033>.

18. Booth K. *Theory of world security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

19. Buzan B. Will the 'global war on terrorism' be the new Cold War? // *International Affairs*. 2006. Vol. 82. No. 6. P. 1101–1118. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2006.00590.x.
20. Buzan B., Hansen L. *The evolution of international security studies*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
21. Buzan B., Kelstrup M., Lemaitre P. et al. *The European security order recast: Scenarios for the post-Cold War era*. London; New York: Pinter Publishers, 1990.
22. Buzan B., Wæver O., Wilde de J. *Security: A new framework for analysis*. London: Lynne Rienner Publishers, 1998.
23. Campbell D. *Writing security: United States foreign policy and the politics of identity*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998.
24. Ciută F. Security and the problem of context: A hermeneutical critique of securitisation theory // *Review of International Studies*. 2009. Vol. 35. No. 2. P. 301–326. DOI: 10.1017/S02602105090008535.
25. Cox R. Social forces, states and world orders: Beyond international relations theory // *Millennium: Journal of International Studies*. 1981. Vol. 10. No. 2. P. 126–155. DOI: 10.1177/03058298810100020501.
26. Crawford A., Hutchinson S. Mapping the contours of 'everyday security': Time, space and emotion // *British Journal of Criminology*. 2016. Vol. 56. No. 6. P. 1184–1202. DOI: 10.1093/bjc/azv121.
27. Der Derian J. Virtuous war/virtual theory // *International Affairs*. 2000. Vol. 76. No. 4. P. 771–788.
28. Dewey J. *How we think*. New York: D.C. Heath and Co. Publishers, 1910.
29. Diez T. Progressive and regressive securitisation: Covid, Russian aggression and the ethics of security // *Central European Journal of International and Security Studies*. 2023. Vol. 17. No. 2. P. 22–43. DOI: 10.51870/PXRR4789.
30. Elbe S. Should HIV/AIDS be securitized? The ethical dilemmas of linking HIV/AIDS and security // *International Studies Quarterly*. 2006. Vol. 50. No. 1. P. 119–144. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2006.00395.x.
31. Farr J. Understanding conceptual change politically // *Political innovation and conceptual change* / Ed. by T. Ball, J. Farr, R.L. Hanson. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 24–49.
32. Floyd R. Can securitization theory be used in normative analysis? Towards a just securitization theory // *Security Dialogue*. 2011. Vol. 42. No. 4–5. P. 427–439. DOI: 10.1177/0967010611418712.
33. Floyd R. *The duty to secure: From just to mandatory securitization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2024.
34. Floyd R. *The morality of security: A theory of just securitization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
35. Floyd R. *Security and the environment: Securitisation theory and US environmental security policy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

36. Floyd R. Towards a consequentialist evaluation of security: Bringing together the Copenhagen and the Welsh Schools of security studies // *Review of International Studies*. 2007. Vol. 33. No. 2. P. 327–350. DOI: 10.1017/S026021050700753X.

37. Guillaume X., Huysmans J. The concept of ‘the everyday’: Ephemeral politics and the abundance of life // *Cooperation and Conflict*. 2019. Vol. 54. No. 2. P. 278–296. DOI: 10.1177/0010836718815520.

38. Hansen L. The Little Mermaid’s silent security dilemma and the absence of gender in the Copenhagen School // *Millennium: Journal of International Studies*. 2000. Vol. 29. No. 2. P. 285–306. DOI: 10.1177/03058298000290020501.

39. Hansen L. Reconstructing desecuritisation: The normative-political in the Copenhagen School and directions for how to apply it // *Review of International Studies*. 2012. Vol. 38. No. 3. P. 525–546. DOI: 10.1017/S0260210511000581.

40. Huysmans J. Defining social constructivism in security studies: The normative dilemma of writing security // *Alternatives: Global, Local, Political*. 2002. Vol. 27. Special Issue. P. 41–62. DOI: 10.1177/03043754020270S104.

41. Huysmans J. *The politics of insecurity: Fear, migration and asylum in the EU*. Abingdon: Routledge, 2006.

42. Ignatieff M. *Empire lite: Nation-building in Bosnia, Kosovo and Afghanistan*. Toronto: Penguin Canada, 2003.

43. Jacobsen M., Strandsbjerg J. Desecuritization as displacement of controversy: Geopolitics, law and sovereign rights in the Arctic // *Politik*. 2017. Vol. 20. No. 3. P. 15–30. DOI: 10.7146/politik.v20i3.97151.

44. Jakimów M. Desecuritisation as a soft power strategy: The Belt and Road Initiative, European fragmentation and China’s normative influence in Central-Eastern Europe // *Asia Europe Journal*. 2019. Vol. 17. No. 4. P. 369–385. DOI: 10.1007/s10308-019-00561-3.

45. Linklater A. The harm principle and global ethics // *Global Society*. 2006. Vol. 20. No. 3. P. 329–343. DOI: 10.1080/13600820600816340.

46. Mackenzie M. Securitization and desecuritization: Female soldiers and the reconstruction of women in post-conflict Sierra Leone // *Security Studies*. 2009. Vol. 18. No. 2. P. 241–261. DOI: 10.1080/09636410902900061.

47. McMahan J. Just cause for war // *Ethics and International Affairs*. 2005. Vol. 19. No. 3. P. 1–21. DOI: 10.1111/j.1747-7093.2005.tb00551.x.

48. Nyman J. *The energy security paradox: Rethinking energy (in)security in the United States and China*. Oxford: Oxford University Press, 2018.

49. Nyman J. The everyday life of security: Capturing space, practice, and affect // *International Political Sociology*. 2021. Vol. 15. No. 3. P. 313–337. DOI: 10.1093/ips/olab005.

50. Nyman J. Pragmatism, practice and the value of security // *Ethical security studies: A new research agenda* / Ed. by J. Nyman, A. Burke. Abingdon: Routledge, 2016. P. 131–144.

51. Nyman J. Towards a global security studies: What can looking at China tell us about the concept of security? // *European Journal of International Relations*. 2023. Vol. 29. No. 3. P. 673–697. DOI: 10.1177/13540661231176990.

52. Nyman J. What is the value of security? Contextualising the negative/positive debate // *Review of International Studies*. 2016. Vol. 42. No. 5. P. 821–839. DOI: 10.1017/S0260210516000140.

53. Nyman J., Burke A. *Imagining ethical security studies* // *Ethical security studies: A new research agenda* / Ed. by J. Nyman, A. Burke. Abingdon: Routledge, 2016. P. 1–13.

54. Palik J., Obermeier A.M., Rustad S.A. *Conflict trends: A global overview, 1946–2021*. Oslo: Peace Research Institute Oslo, 2022. Available at: <https://www.prio.org/publications/13178> (accessed: 20.08.2025).

55. Parfit D. *On what matters*. Vol. 1. Oxford: Oxford University Press, 2011.

56. Rodin D. *War and self-defense*. Oxford: Clarendon Press, 2002.

57. Roe P. Misperception and ethnic conflict: Transylvania's societal security dilemma // *Review of International Studies*. 2002. Vol. 28. No. 1. P. 57–74. DOI: 10.1017/S0260210502000578.

58. Roe P. Reconstructing identities or managing minorities? Desecuritizing minority rights: A response to Jutila // *Security Dialogue*. 2006. Vol. 37. No. 3. P. 425–438. DOI: 10.1177/0967010606069060.

59. Roe P. Securitization and minority rights: Conditions of desecuritization // *Security Dialogue*. 2004. Vol. 35. No. 3. P. 279–294. DOI: 10.1177/0967010604047527.

60. Sardoc M. The ethics of securitisation: An interview with Rita Floyd // *Critical Studies on Terrorism*. 2021. Vol. 14. No. 1. P. 139–148. DOI: 10.1080/17539153.2021.1886506.

61. Skinner Q. *Visions of politics*. Vol. 1: *Regarding Method*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

62. Watson S. Macrosecuritization and the securitization dilemma in the Canadian Arctic // *Critical Studies on Security*. 2013. Vol. 1. No. 3. P. 265–279. DOI: 10.1080/21624887.2013.809220.

63. Wæver O. The changing agenda of societal security // *Globalization and environmental challenges: Reconceptualizing security in the 21st century* / Ed. by H.G. Brauch et al. Heidelberg: Springer, 2008. P. 581–593.

64. Wæver O. The EU as a security actor: Reflections from a pessimistic constructivist on post-sovereign security orders // *International Relations theory and the politics of European integration: Power, security and community* / Ed. by M. Kelstrup, M.C. Williams. London: Routledge, 2000. P. 250–294.

65. Wæver O. *Securitization and desecuritization* // *On security* / Ed. by R.D. Lipschutz. New York: Columbia University Press, 1995. P. 39–69.

66. Wæver O., Buzan B., Kelstrup M., Lemaitre P. *Identity, migration and the new security agenda in Europe*. London: Pinter Publishers, 1993.

67. Williams J. Pluralism, solidarism and the emergence of world society in English School theory // *International Relations*. 2005. Vol. 19. No. 1. P. 19–38. DOI: 10.1177/0047117805050060.

REFERENCES

1. Burd'e P. 2005. Pole nauki [The field of science]. In: Shmatko N.A. (ed.). *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: Fields and practices]. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., pp. 473–517. (In Russ.)
2. Gaidaeв O.S. 2022. 'Ostorozhno, bezopasnost'!' Teoriya (in)sek'yuritizatsii i Parizhskaya shkola issledovaniy mezhdunarodnoi bezopasnosti ['Danger: security!'] Securitization theory and the Paris school of international security studies]. *MGIMO Review of International Relations*, vol. 15, no. 1, pp. 7–37. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-1-82-7-37. (In Russ.)
3. Gaidaeв O.S. 2021. Teoriya sek'yuritizatsii, ili Khorosho zabytoe staroe: k voprosu o teoretiko-filosofskikh istokakh i zarozhdenii teorii [Securitization theory or a well overlooked old: On the philosophical and theoretical premises and origins of the theory]. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 21, no. 1, pp. 20–32. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32. (In Russ.)
4. Konyshеv V.N., Parfenov R.V. 2019. Gibridnye voyny: mezhdumifom i real'nost'yu [Hybrid wars: Between myth and reality]. *World Economy and International Relations*, vol. 63, no. 12, pp. 56–66. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66. (In Russ.)
5. Rorty R. 1989. *Contingency, irony, and solidarity*. New York, Cambridge University Press [Russ. ed.: Rorti R. 1996. Sluchainost', ironiya i solidarnost'. Moscow, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo Publ.].
6. Chakrabarty D. 2008. *Provincializing Europe: Postcolonial thought and historical difference*. Princeton, Princeton University Press [Russ. ed.: Chakrabarti D. 2021. Provintsializiruya Evropu. Moscow, Muzei sovremennogo iskusstva 'Garazh' Publ.].
7. Adler E., Pouliot V. 2011. International practices: Introduction and framework. In: Adler E., Pouliot V. (eds.). *International practices*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 3–35.
8. Aras B., Polat R.K. 2008. From conflict to cooperation: Desecuritization of Turkey's relations with Syria and Iran. *Security Dialogue*, vol. 39, no. 5, pp. 495–515. DOI: 10.1177/0967010608096150.
9. Austin J.L., Beaulieu-Brossard P. 2017. (De)securitisation dilemmas: Theorising the simultaneous enaction of securitisation and desecuritisation. *Review of International Studies*, vol. 44, no. 2, pp. 1–23. DOI: 10.1017/S0260210517000511.
10. Bain W. 2021. Pluralism and solidarism. In: Navari C. (ed.). *International society: The English School*. Cham, Palgrave Macmillan, pp. 95–108.

11. Barkawi T., Laffey M. 2006. The postcolonial moment in security studies. *Review of International Studies*, vol. 32, no. 2, pp. 329–352. DOI: 10.1017/S0260210506007054.

12. Behnke A. 2006. No way out: Desecuritization, emancipation and the eternal return of the political — A reply to Aradau. *Journal of International Relations and Development*, vol. 9, no. 1, pp. 62–69. DOI: 10.1057/palgrave.jird.1800070.

13. Biba S. 2014. Desecuritization in China's behavior towards its trans-boundary rivers: The Mekong River, the Brahmaputra River, and the Irtys and Ili Rivers. *Journal of Contemporary China*, vol. 23, pp. 21–43. DOI: 10.1080/10670564.2013.809975.

14. Bigo D. 2002. Security and immigration: Toward a critique of the governmentality of unease. *Alternatives: Global, Local, Political*, vol. 27, special issue, pp. 63–92. DOI: 10.1177/03043754020270S105.

15. Bilgin P. 2007. Making Turkey's transformation possible: Claiming 'security-speak' — not desecuritization! *Journal of Southeast European and Black Sea Studies*, vol. 7, no. 4, pp. 555–571. DOI: 10.1080/14683850701726039.

16. Bilgin P. 2010. The 'Western-centrism' of security studies: 'Blind spot' or constitutive practice? *Security Dialogue*, vol. 41, no. 6, pp. 615–622. DOI: 10.1177/0967010610388208.

17. Booth K. 1991. Security and emancipation. *Review of International Studies*, vol. 17, no. 4, pp. 313–326. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0260210500112033>.

18. Booth K. 2007. *Theory of world security*. Cambridge, Cambridge University Press.

19. Buzan B. 2006. Will the 'global war on terrorism' be the new Cold War? *International Affairs*, vol. 82, no. 6, pp. 1101–1118. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2006.00590.x.

20. Buzan B., Hansen L. 2009. *The evolution of international security studies*. Cambridge, Cambridge University Press.

21. Buzan B., Kelstrup M., Lemaitre P. et al. 1990. *The European security order recast: Scenarios for the post-Cold War era*. London, New York, Pinter Publishers.

22. Buzan B., Wæver O., Wilde de J. 1998. *Security: A new framework for analysis*. London, Lynne Rienner Publishers.

23. Campbell D. 1998. *Writing security: United States foreign policy and the politics of identity*. Minneapolis, University of Minnesota Press.

24. Ciută F. 2009. Security and the problem of context: A hermeneutical critique of securitisation theory. *Review of International Studies*, vol. 35, no. 2, pp. 301–326. DOI: 10.1017/S0260210509008535.

25. Cox R. 1981. Social forces, states and world orders: Beyond international relations theory. *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 10, no. 2, pp. 126–155. DOI: 10.1177/03058298810100020501.

26. Crawford A., Hutchinson S. 2016. Mapping the contours of 'everyday security': Time, space and emotion. *British Journal of Criminology*, vol. 56, no. 6, pp. 1184–1202. DOI: 10.1093/bjc/azv121.

27. Der Derian J. 2000. Virtuous war/virtual theory. *International Affairs*, vol. 76, no. 4, pp. 771–788.

28. Dewey J. 1910. *How we think*. New York, D.C. Heath and Co. Publishers.

29. Diez T. 2023. Progressive and regressive securitisation: Covid, Russian aggression and the ethics of security. *Central European Journal of International and Security Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 22–43. DOI: 10.51870/PXRR4789.

30. Elbe S. 2006. Should HIV/AIDS be securitized? The ethical dilemmas of linking HIV/AIDS and security. *International Studies Quarterly*, vol. 50, no. 1, pp. 119–144. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2006.00395.x.

31. Farr J. 1989. Understanding conceptual change politically. In: Ball T., Farr J., Hanson R.L. (eds.). *Political innovation and conceptual change*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 24–49.

32. Floyd R. 2011. Can securitization theory be used in normative analysis? Towards a just securitization theory. *Security Dialogue*, vol. 42, no. 4–5, pp. 427–439. DOI: 10.1177/0967010611418712.

33. Floyd R. 2024. *The duty to secure: From just to mandatory securitization*. Cambridge, Cambridge University Press.

34. Floyd R. 2019. *The morality of security: A theory of just securitization*. Cambridge, Cambridge University Press.

35. Floyd R. 2010. *Security and the environment: Securitisation theory and US environmental security policy*. Cambridge, Cambridge University Press.

36. Floyd R. 2007. Towards a consequentialist evaluation of security: Bringing together the Copenhagen and the Welsh Schools of security studies. *Review of International Studies*, vol. 33, no. 2, pp. 327–350. DOI: 10.1017/S026021050700753X.

37. Guillaume X., Huysmans J. 2019. The concept of 'the everyday': Ephemeral politics and the abundance of life. *Cooperation and Conflict*, vol. 54, no. 2, pp. 278–296. DOI: 10.1177/0010836718815520.

38. Hansen L. 2000. The Little Mermaid's silent security dilemma and the absence of gender in the Copenhagen School. *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 29, no. 2, pp. 285–306. DOI: 10.1177/03058298000290020501.

39. Hansen L. 2012. Reconstructing desecuritisation: The normative-political in the Copenhagen School and directions for how to apply it. *Review of International Studies*, vol. 38, no. 3, pp. 525–546. DOI: 10.1017/S0260210511000581.

40. Huysmans J. 2002. Defining social constructivism in security studies: The normative dilemma of writing security. *Alternatives: Global, Local, Political*, vol. 27, special issue, pp. 41–62. DOI: 10.1177/03043754020270S104.

41. Huysmans J. 2006. *The politics of insecurity: Fear, migration and asylum in the EU*. Abingdon, Routledge.

42. Ignatieff M. 2003. *Empire lite: Nation-building in Bosnia, Kosovo and Afghanistan*. Toronto, Penguin Canada.
43. Jacobsen M., Strandsbjerg J. 2017. Desecuritization as displacement of controversy: Geopolitics, law and sovereign rights in the Arctic. *Politik*, vol. 20, no. 3, pp. 15–30. DOI: 10.7146/politik.v20i3.97151.
44. Jakimów M. 2019. Desecuritisation as a soft power strategy: The Belt and Road Initiative, European fragmentation and China's normative influence in Central-Eastern Europe. *Asia Europe Journal*, vol. 17, no. 4, pp. 369–385. DOI: 10.1007/s10308-019-00561-3.
45. Linklater A. 2006. The harm principle and global ethics. *Global Society*, vol. 20, no. 3, pp. 329–343. DOI: 10.1080/13600820600816340.
46. Mackenzie M. 2009. Securitization and desecuritization: Female soldiers and the reconstruction of women in post-conflict Sierra Leone. *Security Studies*, vol. 18, no. 2, pp. 241–261. DOI: 10.1080/09636410902900061.
47. McMahan J. 2005. Just cause for war. *Ethics and International Affairs*, vol. 19, no. 3, pp. 1–21. DOI: 10.1111/j.1747-7093.2005.tb00551.x.
48. Nyman J. 2018. *The energy security paradox: Rethinking energy (in)security in the United States and China*. Oxford, Oxford University Press.
49. Nyman J. 2021. The everyday life of security: Capturing space, practice, and affect. *International Political Sociology*, vol. 15, no. 3, pp. 313–337. DOI: 10.1093/ips/olab005.
50. Nyman J. 2016a. Pragmatism, practice and the value of security. In: Nyman J., Burke A. (eds.). *Ethical security studies: A new research agenda*. Abingdon, Routledge, pp. 131–144.
51. Nyman J. 2023. Towards a global security studies: What can looking at China tell us about the concept of security? *European Journal of International Relations*, vol. 29, no. 3, pp. 673–697. DOI: 10.1177/13540661231176990.
52. Nyman J. 2016b. What is the value of security? Contextualising the negative/positive debate. *Review of International Studies*, vol. 42, no. 5, pp. 821–839. DOI: 10.1017/S0260210516000140.
53. Nyman J., Burke A. 2016. Imagining ethical security studies. In: Nyman J., Burke A. (eds.). *Ethical security studies: A new research agenda*. Abingdon, Routledge, pp. 1–13.
54. Palik J., Obermeier A.M., Rustad S.A. 2022. *Conflict trends: A global overview, 1946–2021*. Oslo, Peace Research Institute Oslo. Available at: <https://www.prio.org/publications/13178> (accessed: 20.08.2025).
55. Parfit D. 2011. *On what matters. Vol. 1*. Oxford, Oxford University Press.
56. Rodin D. 2002. *War and self-defense*. Oxford, Clarendon Press.
57. Roe P. 2002. Misperception and ethnic conflict: Transylvania's societal security dilemma. *Review of International Studies*, vol. 28, no. 1, pp. 57–74. DOI: 10.1017/S0260210502000578.

58. Roe P. 2006. Reconstructing identities or managing minorities? Desecuritizing minority rights: A response to Jutila. *Security Dialogue*, vol. 37, no. 3, pp. 425–438. DOI: 10.1177/0967010606069060.
59. Roe P. 2004. Securitization and minority rights: Conditions of desecuritization. *Security Dialogue*, vol. 35, no. 3, pp. 279–294. DOI: 10.1177/0967010604047527.
60. Sardoc M. 2021. The ethics of securitisation: An interview with Rita Floyd. *Critical Studies on Terrorism*, vol. 14, no. 1, pp. 139–148. DOI: 10.1080/17539153.2021.1886506.
61. Skinner Q. 2002. *Visions of politics. Vol. 1: Regarding Method*. Cambridge, Cambridge University Press.
62. Watson S. 2013. Macrosecuritization and the securitization dilemma in the Canadian Arctic. *Critical Studies on Security*, vol. 1, no. 3, pp. 265–279. DOI: 10.1080/21624887.2013.809220.
63. Wæver O. 2008. The changing agenda of societal security. In: Brauch H.G. et al. (eds.). *Globalization and environmental challenges: Reconceptualizing security in the 21st century*. Heidelberg, Springer, pp. 581–593.
64. Wæver O. 2000. The EU as a security actor: Reflections from a pessimistic constructivist on post-sovereign security orders. In: Kelstrup M., Williams M.C. (eds.). *International Relations theory and the politics of European integration: Power, security and community*. London, Routledge, pp. 250–294.
65. Wæver O. 1995. Securitization and desecuritization. In: Lipschutz R.D. (ed.). *On security*. New York, Columbia University Press, pp. 39–69.
66. Wæver O., Buzan B., Kelstrup M., Lemaitre P. 1993. *Identity, migration and the new security agenda in Europe*. London, Pinter Publishers.
67. Williams J. 2005. Pluralism, solidarism and the emergence of world society in English School theory. *International Relations*, vol. 19, no. 1, pp. 19–38. DOI: 10.1177/0047117805050060.

Статья поступила в редакцию 26.05.2025;
одобрена после рецензирования 20.07.2025;
принята к публикации 30.09.2025

The paper was submitted 26.05.2025;
approved after reviewing 20.07.2025;
accepted for publication 30.09.2025